

Упоров И.В. Политико-идеологические и правовые основы репрессивной политики советского государства до середины 1930-х гг.: основные тенденции развития // Академия педагогических идей «Новация». – 2017. – № 08 (август). – АРТ 110-эл. – 0,4 п. л. – URL: <http://akademnova.ru/page/875548>

РУБРИКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 343

Упоров Иван Владимирович,

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Российская Федерация

uporov@list.ru

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
ДО СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Аннотация: В статье раскрываются основные особенности репрессивной политики советского государства в период от октябрьской революции 1917 г. до середины 1930-х гг. Автор анализирует соответствующие правовые акты, выступления советских политических деятелей, архивные материалы. Отмечается, что репрессивная политика была очень противоречивой, но возобладала карательная составляющая, и к середине 1930-х гг. были заложены условия для последующих массовых репрессий.

Ключевые слова: репрессивная политика, революция, советская власть, уголовный закон, большевики, наказание.

Uporov Ivan Vladimirovich,
Doctor of History, Candidate of Sciences, Professor
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Krasnodar

**POLITICAL AND IDEOLOGICAL AND LEGAL FOUNDATIONS
THE REPRESSIVE POLICY OF THE SOVIET STATE
BEFORE THE MIDDLE OF THE 1930'S: MAJOR TRENDS
OF DEVELOPMENT**

Annotation: The article reveals the main features of the repressive policy of the Soviet state in the period from the October Revolution of 1917 to the mid-1930s. The author analyzes relevant legal acts, speeches of Soviet politicians, archival materials. It is noted that the repressive policy was very controversial, but the punitive component prevailed, and by the mid-1930s, Conditions were laid for subsequent mass repression.

Key words: repressive policy, revolution, Soviet power, criminal law, Bolsheviks, punishment.

Репрессивная политика советского государства после октябрьской революции 1917 г. развивалась весьма противоречиво. Известно, что в первые послеоктябрьские дни большевики взаимодействовали с оппонентами в сфере властеотношений на вполне политико-деловой основе. Однако накопившееся к тому времени напряжение в стране в результате череды грандиозных событий (мировая война, отречение и последующий арест императора, мятеж генерала Корнилова, провозглашение России

республикой и др.) и крайне противоречивых действий и решений Временного правительства вкупе с непримиримой позицией большевиков по ключевым вопросам своей политики привели к радикализму в отношениях между ведущими политическими и, что не менее важно, военными силами. Реализуя такой подход, советская власть спустя год после революции пошла на крайние меры и объявила «красный террор» (как ответ на «белый террор»), который направлялся против лиц «контрреволюции, спекуляции и преступлений по должности». В соответствующем Постановлении СНК от 5 сентября 1918 г. указывалось, что «необходимо оградить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам... необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [1].

Следует заметить, что данное Постановление вполне соответствовало позиции В.И. Ленина, который писал, что «не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» [2, с. 503]. Аналогичные мысли высказывали и другие крупные партийные и советские деятели. Так, Н.И. Бухарин писал о необходимости выработать путем расстрелов и трудовой повинности «коммунистическое человечество из человеческого материала капиталистической эпохи» [3, с. 198]. Лацис писал о том, что «мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс ... Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советов оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу они принадлежит, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Террора» [4, с. 2].

Так было положено начало репрессивной политики советского государства. Однако при этом следует иметь в виду, что репрессивная составляющая касалась прежде всего политических противников большевиков, то их оппонентов борьбе за власть. В иных сферах социально-экономической жизни репрессивные меры не выходили за рамки и даже, более того, отличались гуманизмом. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., принятых постановлением Народного комиссариата юстиции 12 декабря 1919 г., в ст.8 следующим образом раскрывалась наказания - «охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц» [5]. А в УК РСФСР 1922 г. [6] максимальный срок наказания в виде лишения свободы не мог превышать десяти лет, причем при обсуждении проекта уголовного закона ставился вопрос о том, что установить максимум в пять лет лишения свободы (это предложение не прошло). В этой связи еще на стадии обсуждения проекта Уголовного кодекса Д.И. Курский писал: «Для нас преступник – это человек, который опасен в данное время, которого нужно или изолировать, или попытаться исправить, но которому ни в коем случае не надо мстить» [7, с. 69].

Заметим еще, что гуманистическая составляющая вошла в текст Программы РКП (б) 1919 г., где, в частности, говорилось: «В области наказания ... суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских

судов» [8, с. 190-191]. В данном контексте мы не можем согласиться с позицией Л.В.Головки, который пишет о том, что «советское уголовное право *всегда* отличалось крайней жестокостью, считая (особенно в начальный период) уголовную репрессию важным средством подавления контрреволюции во всех ее проявлениях» [9, с. 62].

В 1920-е гг. репрессивная политика большевиков во многом по инерции от жестокостей Гражданской войны, продолжала усиливаться, но относительно невысокими темпами в немалой степени благодаря политике НЭП. Однако с отходом от НЭП в конце 1920-х гг. в советском государстве стала утверждаться единоличная власть Сталина, что было закономерным результатом развития административно-командной системы в обществе и, как следствие, усиление политических репрессий. Соответственно принцип законности в деятельности государственных органов все в большей степени отходил на задний план, что проявлялось в приоритете подзаконных правовых актов (и прежде всего издаваемых НКВД), субъективизме, основанном на «революционном правосознании» и «пролетарском чутье», принятии законодательных актов, которые противоречили конституционным нормам.

Это подтверждает, в частности, дискуссия, развернувшаяся в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) по докладу Орджоникидзе. Работник ЦКК–РКИ Янсон, говоря о необходимости упрощения аппарата юстиции, заявил: «Я лично пришел к убеждению, что здесь нужно не только реформами заниматься, но даже небольшую революцию произвести ... и я полагаю, что наибольших результатов мы достигнем в том случае, если мы органы юстиции построим по такому принципу, чтобы там было определенное количество людей с практическим смыслом и опытом, людей рабочего

происхождения. *Сольц*. И поменьше юристов. *Янсон*. А сейчас у нас имеется некоторый профессиональный юридический уклон, который не совсем полезен для дела советской юстиции» [10, с. 527]. Выступавший от имени комиссариата юстиции Н.В. Крыленко, отвечая Янсону, заметил: «На 1 176 человек прокуроров на периферии, уездных помощников прокуроров по РСФСР мы имеем лиц, обладающих высшим образованием, 139 человек, имеющих юридическое образование – 124 Вот вам реальные цифры, товарищ Янсон...» [10, с. 578] (примечательна логика и нападающего Янсона, и обороняющегося Крыленко: чем меньше юристов на юридической работе, чем больше рабочих, пусть даже ничего не понимающих в юриспруденции, тем, стало быть, лучше для пролетарского дела).

В уголовно-правовой сфере указанная выше тенденция стала проявляться в принятии один за другим законов, которые ужесточали наказание, увеличивали сроки лишения свободы. Так, 26 марта 1928 г. Постановлением ВЦИК и СНК [11, с. 362] УК РСФСР был дополнен ст. 87-а, в соответствии с которой нарушение законов о национализации земли, выразившееся в совершении в прямой или скрытой форме купли-продажи, zapродажи, дарения и залога, а также самовольной мены земельных участков, и вообще всякое неразрешенное законом отчуждение прав трудового пользования на землю влекло за собой лишение свободы на срок до трех лет «с отобранием от приобретателя земли, явившейся предметом сделки, а также полученного за эту землю или имущественного вознаграждения и с лишением права на надел сроком до шести лет».

Криминализация все новых и новых деяний с конца 1920-х гг. шла непрерывно. Помимо криминализации, тенденция усиления уголовных репрессий проявлялась в установлении более суровых наказаний, и прежде

всего это касалось преступлений, так или иначе (не всегда прямо) посягающих на советский строй. Соответствующие решения принимались прежде всего союзными органами власти. В этом ряду заметное место занимает закон, известный в народе как «закон от седьмого-восьмого» (седьмого числа восьмого месяца) и как «закон о пяти колосках» от 7 августа 1932 г. В этот день по инициативе Сталина ЦИК и СНК СССР принимают Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [12]. Это Постановление ЦИК и СНК СССР поражает своей жестокостью. Люди, покушавшиеся на общественную собственность, объявлялись врагами народа. За такие преступления предусматривались длительные сроки лишения свободы и расстрел. Так, в ст. 2 первого раздела этого закона указывалось: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией имущества». Указывалось также, что к преступникам, осужденным за деяния, сформулированные в данном законе, амнистию не применять. Краткая предыстория этого закона состоит в следующем.

20 июля 1932 г. Сталин направил Кагановичу письмо, где писал: «За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на железнодорожном транспорте (расхищают на десятки миллионов рублей); во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества. Хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антисоветскими элементами, которые стремятся расшатать наш новый строй. По закону эти господа рассматриваются как обычные воры, получают 2–3

года тюрьмы (формальной), а на деле через 6–8 месяцев амнистируются. Подобный режим для этих господ... только поощряет их по сути дела настоящую контрреволюционную работу. Терпеть такое положение немыслимо. Предлагаю издать закон (в изъятие или отмену существующих законов), который позволял бы: а) приравнивать по своему значению железнодорожные грузы, колхозное имущество и кооперативное имущество к имуществу государственному; б) карать за расхищение (воровство) имущества указанных категорий минимум 10 годами заключения, а, как правило, – смертной казнью; в) отменить применение амнистии к преступникам такой «профессии» [13, с. 115]. В качестве итога Сталин указывал: «Без этих (и подобных им) драконовских социалистических мер невозможно установить новую общественную дисциплину, а без такой дисциплины – невозможно отстоять и укрепить наш новый строй. Я думаю, что с изданием такого закона нельзя медлить» [13, с. 115].

Официальная пропаганда всячески превозносила значение этого закона. Так, на съезде колхозников-ударников передовых колхозов Каганович говорил: «Закон ЦИК и Совнаркома от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности – великий закон. Такие законы живут десятками и сотнями лет» [14, с. 81]. В 1937 г. был специально отмечен «юбилей» «от седьмого-восьмого». В передовице «Правды», посвященной этому событию, утверждалось, что этот «исторический закон живет и действует», являясь примером осуществления «классовой» бдительности. «Его сила, его глубочайший след, – говорилось в главном рупоре ВКП (б), – сохраняется на многие, многие годы вперед» [15, с. 22]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что применение этого закона повлекло за собой резкое увеличение числа осужденных. Так, если сравнить август–декабрь

1932 г. с соответствующими месяцами 1931 г., то численность осужденных за хищения социалистической собственности выросла в Западной Сибири в 5 раз, в Уральской области – в 4 раза, в Московской области – в 1,5 раза [16, с. 104]. Подавляющая часть этих людей стала работать на строительстве народнохозяйственных объектов в качестве заключенных, содержащихся в местах лишения свободы.

Как видно, цифры (особенно в первые годы применения закона) были весьма внушительными, и это несмотря на то, что судьи при вынесении приговоров по этим делам были менее жестоки, чем законодатель. В литературе описывается случай, когда на слова одного из народных судей о том, что у него не поднимается рука, чтобы «на десять лет закатать человека за кражу колосьев», нарком юстиции РСФСР Н.В. Крыленко заявил: «Мы сталкиваемся тут с предрассудком и традициями старых форм правовой буржуазной мысли, что этак нельзя, что обязательно судить должно не исходя из политических указаний партии и правительства, а из соображений “высшей справедливости”... мы ответили, что требования политической необходимости должны быть выполнены» [13, с. 120]. Вероятно, именно такой «политической необходимостью» можно объяснить появление Инструкции по применению Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., которая была подписана Председателем Верховного суда СССР Винокуровым, Прокурором СССР Красиковым и заместителем председателя ОГПУ Акуловым и утверждена Политбюро 16 сентября 1932 г. В этой Инструкции, в частности, указывалось, что в изъятие установленного порядка приговоры к высшей мере наказания по делам, предусмотренным постановлением ЦИК и СНК СССР, вступают в силу немедленно по их утверждению в течение 48 часов [13, с. 119]. В литературе справедливо

указывается, что подобные меры были максимально приближены к военноплевым судам, хотя время было мирное [13, с 116]. Еще более определенно по этому поводу высказывался сам автор закона Сталин: «Надо... пригвоздить к позорному столбу тех судей и прокуроров, которые проявляют либерализм... кампания должна быть систематическая и длительная» [17].

Логическим продолжением указанного закона стало принятие 8 июня 1934 г. постановления правительства СССР «О дополнении положения о преступлениях государственных статьями об измене Родине» [18]. Постановление устанавливало, что в случае побега, перелета за границу или невозвращения в СССР военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, совместно с ним проживающие или находящиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные места Сибири на 5 лет. Данное постановление было распространено в дальнейшем не только на семьи военнослужащих, но и вообще на всех «родственников изменников Родины».

Мы полагаем что принятие и исполнение этого закона при его общественно-политическом одобрении, стало знаковым событием в развитии репрессивной политики советского государства. Нужно, на наш взгляд, давать объективную оценку – советское общество не отвергло этого, бесспорно, очень жестокого закона (жестокость намного превышала рационализм) и, более того, оно его поддерживало, пусть даже это было формально, путем, например, «добровольной подписи под статьей в газете. Власти был дан своеобразный карт-бланш – «можно!». На этом фоне неудивительным стало принятие закона 1 декабря 1934 г. в день убийства Кирова, перечеркнувшим разом многие имевшиеся позитивные преобразования в судебной системе и уголовном процессе. В этот день – в

день убийства первого секретаря Ленинградского обкома, секретаря, члена Политбюро ЦК ВКП (б) С.М. Кирова - ЦИК СССР издал Постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», в соответствии с которым предписывалось: «Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти: 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора» [19]. В тот же день ЦИК СССР принял протокол «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», где указывалось: «1. Предложить следственным властям вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. 2. Предложить судебным органам не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению. 3. Предложить органам НКВД Союза ССР приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных категорий немедленно по вынесении судебных приговоров» [20].

В этом законе репрессивная составляющая также намного превосходила жесткость мер по борьбе с терроризмом. Мы полагаем, что с этого момента политические репрессии в стране получили необратимый характер, и были пресечены лишь со смертью Сталина. В целом, таким образом, к первой половине 1930-х гг. в советском государстве были сформированы предпосылки для последующих политических репрессий, которые продолжались более двадцати лет. В значительной степени это было обусловлено личной позицией Сталина, полагавшего, что советская власть нуждается в очень жестком, если не сказать жестоком, уголовном законодательстве, однако, как показала история, такой метод приводит к большим негативным социальным последствиям для всей страны, отголоски которых до сих слышны до сих пор.

Список использованной литературы:

1. Постановление СНК от 05.09.1918 г. «О красном терроре» // ¹ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 291.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 36.
3. Бухарин Н.И. Избр. произв. М., 1990.
4. Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехо-Словацком фронте. 1918. № 1.
5. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 "Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р." // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
6. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
7. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958.
8. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962.
9. Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. № 3.
10. Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1929. Т.1.
11. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953.

12. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности" // СЗ СССР. 1932. № 62.

13. Зеленин И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1999. № 1.

14. Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов, 15–19 февраля 1933 г. М.; Л., 1933. С. 81.

15. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и Советское общество. М., 1992.

16. Маслов В., Чистяков Н. Сталинские репрессии и советская юстиция // Коммунист. 1990. № 10. С. 104.

17. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 157.

18. Советская юстиция. 1934. № 17.

19. Постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 01.12.1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 64. Ст.459.

20. Протокол ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 01.12.1934 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993.

Дата поступления в редакцию: 21.08.2017 г.

Опубликовано: 25.08.2017 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2017

© Упоров И.В., 2017